

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-32-38

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТЕПЕНИ АДЕКВАТНОСТИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. БЛОКА «ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ...»)

© Наталья Зубенко

FUNCTIONAL CONDITIONALITY OF TEXT COMPREHENSION ADEQUACY (BASED ON A. BLOK'S POEM "GAMAYUN, THE PROPHETIC BIRD...")

Natalya Zubenko

The article is devoted to the problem of a literary text comprehension whose nature is determined by the text regulatory function – the impact on the reader's worldview at its moral level. The prerequisites for the generation and development of such texts' structure are the contradiction in the reflection of reality in everyday consciousness and the authorial ideal. The specificity of the author's reflection of reality, or idea, in a literary text is its non-verbality. The isolation of figurative meaning becomes possible by correlating linguistic units in the structure of the text in a certain way, their selection is functionally determined, the author selects the linguistic units that are most adequately able to express their intention, on the one hand, and be adequately decoded by the reader, on the other hand. A core element stands out in the text structure, which becomes the key to understanding the text and interpreting the authorial worldview, as it experiences a semantic shift that expands the reader's worldview by identifying new, previously unknown figurative meanings, including those contained in conventional vocabulary. The article concludes that the functional approach to understanding and interpreting the text of the poem by A. Blok takes into account the prerequisites for the creation of the text, the unity of form and content, which makes it possible to identify the regulatory function of the moral text, and to expand the understanding of the fate of Russia and the role of the poet-prophet in the fate of the people.

Keywords: regulatory function, functional approach, understanding, sagitta, core element

Статья посвящена проблеме адекватности понимания художественного текста, природа которого обусловлена регулятивной функцией текста – воздействием на картину мира читателя на нравственном уровне. Предпосылками порождения и развития структуры такого рода текстов является противоречие в отражении действительности в обыденном сознании и авторском с позиции идеала. Специфика авторского отражения действительности, или замысла, в художественном тексте заключается в его невербальности. Вычленение образного смысла становится возможным за счет соотнесения определенным образом языковых единиц в структуре текста, селекция которых функционально обусловлена, – автором отбираются те языковые единицы, которые наиболее адекватно способны выразить его замысел, с одной стороны, и быть адекватно декодированы читателем, с другой. В структуре текста выделяется стержневой элемент, который становится ключом к пониманию текста и интерпретации авторской картины мира, так как в нем происходит семантический сдвиг, который расширяет картину мира читателя за счет выявления новых, ранее неизвестных образных смыслов, в том числе заключенных в конвенциональной лексике. Делается вывод о том, что функциональный подход к пониманию и интерпретации текста стихотворения А. А. Блока, при котором были учтены предпосылки создания текста, единство формы и содержания, позволил выявить регулятивную функцию текста нравственного порядка, а также расширил понимание судьбы России и роль поэта-пророка в судьбе народа.

Ключевые слова: регулятивная функция, функциональный подход, понимание, сагитта, стержневой элемент

Для цитирования: Зубенко Н. Функциональная обусловленность степени адекватности понимания текста (на материале стихотворения А. Блока «Гамаюн, птица вещая...») // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 32–38. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-32-38

В современной науке семиотического цикла более чем актуален вопрос о категории значения, который сопряжен с процессом понимания. Так, Х.-Г. Гадамер считает, что понимание «всегда является истолкованием» [1, с. 364], которое является «эксплицитной формой понимания» [Там же]. Внутреннее слияние полученного понимания и истолкования приводит к закономерному прагматическому процессу – применению «к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор» [Там же] и расширению границ мировоззрения.

А. А. Брудный отмечает, что одним из существенных обстоятельств, влияющих на понимание текстов, является то, «что смысл их актуализируется в конкретной аудитории» [2, с. 149]. Исходя из этого, определяется бинарность природы текста, имеющего состояние «покоя» и «движения» (термин И. Р. Гальперина). Под состоянием «покоя» И. Р. Гальперин понимает текст как последовательность дискретных единиц, в которой признаки движения выступают имплицитно; состояние «движения» – воспроизведение текста – это и есть процесс своего рода декодирования и понимания [3, с. 19].

Понимание позволяет человеку развиваться, органически вписываться в объективную реальность, расширять не только границы теоретического знания, но и практического применения этих знаний и пониманий, как «возможность бесконечного совершенствования человеческого опыта» [1, с. 517]. При таком подходе объектом понимания будет выступать *текст* – вербальный и / или невербальный, устный и / или письменный, обеспечивающий коммуникацию на социальном или нравственном уровне.

Вслед за А. Н. Рудяковым, определим *текст* как знаковое орудие регуляции, так как любой текст создается не для себя, а для собеседника по социальному взаимодействию [4]. Причем взаимодействие может происходить здесь и сейчас, а может быть отложено во времени. Из этого следует, что еще одним непременным условием порождения текста является адресат и его реакция, обусловленная пониманием текста при его декодировании, – вербальная / невербальная, физическая / психическая и т. д.

Если взаимодействие посредством текста между автором и читателем основано на адекватном понимании, то эффективность / продуктивность текста значительно выше; сложнее, когда понимание текста сопряжено с трудностями (лингвистическими / экстралингвистическими), которые могут свести к восприятию лишь содержательно-фактуальной информации (термин

И. Р. Гальперина), буквальной, которая не в состоянии повлиять на картину мира собеседника по социальному / нравственному взаимодействию. В таком случае текст как «результат языкового, научного, этико-этического, художественного и в целом культурного познания» [5, с. 110] теряет свою предопределенность.

Традиционно в науке все множество текстов делится на художественные и нехудожественные (И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, Н. С. Валгина, Ю. М. Лотман, Г. В. Степанов и др.). Для нас представляет интерес деление, предложенное А. Н. Рудяковым, на тексты «о субстанциях и функциях» и тексты «о ценностях» [4, с. 153]. К текстам «о ценностях» ученый относит тексты искусства в целом, создание и восприятие которых требует огромных усилий и которые содержат в себе глубинные смыслы, в основе которых лежат ценностные ориентиры (вопросы нравственности, морали, этики) [Там же]. В статье рассматриваются тексты «о ценностях», так как их понимание сопряжено с большими трудностями, преодоление которых обнаруживает то новое, что расширяет ценностную составляющую картины мира читателя, так как текст – это «субъективное отражение объективного мира» [6, с. 308], то есть в тексте автором отражается не действительность, а его представление об этой действительности, образ мира.

Функциональный подход к интерпретации текста

Подходы к проблеме понимания и интерпретации текста в современной науке достаточно обширны – логико-лингвистический, системно-семиотический, герменевтический, когнитивный, психолингвистический, подход с позиции психоэтики [7]. Несмотря на широкий диапазон подходов, их объединяет одно – целью любого подхода является увеличение глубины понимания, определить которую возможно исключительно при воспроизведении полученной информации читателем / исследователем.

Рассмотрение проблемы понимания текста, считает И. Р. Гальперин, необходимо с двух сторон – как запрограммированное автором (создателем) сообщение и толкование информации, заключенной в тексте как семиотическом коде [3, с. 23]. А. А. Брудный отмечает, что понимание выступает в качестве «смыкающей модели» процесса образования и функционирования текста, то есть «текст обретает свое содержание в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя» [2, с. 164]. Поэтому учет адресата (слушателя, читателя) предполагает рассмотрение тек-

ста как открытой системы, так как в этом случае высока роль адресата, который по-разному воспринимает текст, что объясняет вариативность интерпретаций одного и того же речевого произведения.

Функциональный подход к интерпретации любого текста – это подход прагматический, в котором от степени понимания зависит степень эффективности и продуктивности его применения. Понимание текста сопряжено с его функциональной обусловленностью, заключающейся в учете единства формы и содержания, при которой каждая языковая единица неслучайна и выполняет свою определенную роль. Более того, специфика образного смысла заключается в его невербальности, поэтому при создании текста автор осуществляет отбор таких «знаковых форм», которые «максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел», при этом «максимально соответствуют „типу“ реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст» [8, с. 200]. Следовательно, игнорирование даже одной языковой единицы может привести как к искажению понимания, так и к нарушению целостности восприятия – неправильному пониманию.

Говоря о степени адекватности понимания текста, мы подразумеваем не явно выраженную шкалу и четкие критерии разграничения понимания, а некое нечеткое множество, расположенное между периферией и ядром, где ядром выступает замысел автора, породивший текст, образный смысл, заложенный в структуре текста, а периферия представляет собой восприятие читателем лишь буквальной информации. Чем глубже понимание текста читателем, тем яснее для него идея(-и) автора, тем больше он приближается к ядру. Совпадение картин мира автора и читателя на практике невозможно, следовательно, любая интерпретация лишь приближает читателя к идее автора, но не предполагает идентичность авторского и читательского представления о предмете описания в тексте. Поэтому наиболее адекватной интерпретацией считается та, которая максимально сокращает неопределенность и сужает потенциальное множество вариативности интерпретаций. Такого рода интерпретация должна основываться на учете структуры текста, коррелирующей с причинно-следственными связями создания текста.

Теория функционального подхода к анализу и интерпретации художественного текста, разрабатываемая Крымской функциональной школой под руководством А. Н. Рудякова [4], предполагает, что организующей силой, порождающей

текст, является противоречие между «данным» – то, как предмет или явление действительности понимается обыденным сознанием, и «должным» – то, каким видит (или хочет видеть) автор предмет или явление действительности. Именно это противоречие заставляет автора любого текста эксплицировать свое мировоззрение (представление) только лишь с одной целью – наведение «порядка» в сознании своего собеседника, то есть расширение его картины мира за счет своего (правильного, единственно верного, по мнению автора) мировосприятия. «Столкновение» картин мира и заключает в себе тот эстетический феномен, характерный для вербальных произведений искусства, или «текстах о ценностях», который осуществляет воздействие на сознание читателя за счет разности горизонтов восприятия. «Влияние» и «расширение» находятся в прямой зависимости от понимания текста. При минимальной степени адекватности понимания текста эффективность регулятивной функции текста, его продуктивность сводятся к нулю, потому что цель, преследуемая автором, остается не достигнутой.

Обратная картина складывается, когда текст выступает в качестве эффективного инструмента, «острие» (термин А. Н. Рудякова) которого выполняет свою функцию: за содержательно-фактуальной информацией, в процессе трудоемкой работы, становится явной содержательно-концептуальная информация (термин И. Р. Гальперина), пусть даже обнаруживается и не вся. Более того, именно содержательно-концептуальная информация предполагает различные варианты интерпретации, «поскольку она требует иносказания и обычно вербально не утверждается» [3, с. 41].

Противоречие «должного» и «данного», считает А. Н. Рудяков, становится не только движущей силой развития мысли в тексте, но и основой для деления текста на исходную часть и основную, в которой заключено новое, индивидуально-авторское понимание действительности [4]. При этом обязательным структурным элементом в тексте является стержневой элемент – языковая единица, которая в основной части за счет соотносительности с другими единицами обретает новое, ранее не известное, значение – так называемый «семантический сдвиг». Это семантическое приращение и есть ядро идеи автора, а также основа, порождающая новые, образные смыслы. Соотнесение языковых единиц делает возможным выявление семантического приращения в конвенциональной лексике, так как «новые представления о мире принципиально не могут быть выражены конвенционализированными языковыми средствами, которые есть отражение

устоявшейся в сознании носителей языка картины мира» [9, с. 51].

В свою очередь, семантическое приращение включает в себе эстетический эффект, характерный для всех текстов искусства, в том числе и художественных, к которому автор стремился и который «обеспечивает адекватное восприятие текста» [Там же, с. 53].

Семантическое приращение как ядро идеи автора (на материале стихотворения А. А. Блока «Гамаюн, птица вещая»)

Понимание предпосылок создания автором текста, обнаружение «разностей» восприятия предметов и явлений действительности в обыденном сознании и индивидуально-авторском, стремление увидеть текст как систему, каждый элемент которой функционально обусловлен и значим, – все это не только облегчает читателю процесс понимания текста, но и увеличивает степень адекватности этого понимания.

В качестве эмпирического материала рассмотрим текст стихотворения А. А. Блока «Гамаюн, птица вещая» [10, с. 19].

Создание текста стихотворения было вызвано картиной В. М. Васнецова «Гамаюн, птица вещая» (1897 г.), которую А. А. Блок увидел на персональной выставке художника в феврале 1899 года [Там же, с. 577].

Предыстория создания текста стихотворения – пример того, как невербальный текст искусства, результат пластического мышления, выполнил свою, с точки зрения функционального подхода, регулятивную функцию – мысли и чувства автора картины были осмыслены А. А. Блоком, а затем воплощены в тексте стихотворения «Гамаюн, птица вещая». В этом случае реализованы «сагиттальные свойства текста» [2, с. 157], то есть одно произведение искусства «показало» сюжет нового произведения, а также реализована «орудийность» текста (термин А. Н. Рудякова), посредством которого создатель воздействует на участника по социальному взаимодействию и наводит порядок в его сознании [4].

Анализ лексикографических источников показал, что образ птицы-Гамаюн в литературе неоднозначный: Гамаюн – это «сказочная райская птица... „птица вещая“... Если кричит птица-Гамаюн – счастье пророчит» [11, с. 45]; «редкая мифическая птица... Её пророчества доступны избранным людям, а само появление способно вызывать смертоносные стихии» [12, с. 73]; «мифическая „райская птица“... падением своим провозвѣщает смерть царей или королей или коего князя самодержавнаго» [13, с. 84]; «вещая птица, глашатай богов... Гамаюн пророчит сча-

стье и может предсказывать будущее тем, кто умеет слышать тайное... в русской традиции выступала как олицетворение бури, грозы... когда летит Гамаюн, с восхода солнечного приходит смертоносная буря» [14, с. 206–207]. При этом исследователи сходятся в одном: Гамаюн – это райская птица, в силах которой, кроме пророчества, понятного лишь избранным людям, вызывать смертоносные природные стихии.

На картине В. М. Васнецова воплощено представление птицы-Гамаюн художником, которое противопоставлено общепринятому: *смертоносные стихии – гладь бесконечных вод, восход – закат, пророчит счастье – вещает изго злых татар*.... Новое представление о райской птице, предвестника страшных событий (не для царя, короля, князя самодержавного, а для всего народа и страны в целом), определило восприятие А. А. Блоком образа птицы.

В качестве заглавия стихотворения А. А. Блок берет название картины В. М. Васнецова «Гамаюн, птица вещая», в основу которого художником положено определение птицы не «райская» – относящаяся к раю и «пророчащая счастье», а «вещая». Языковая единица *вещий* имеет значение – «мудрый, проницательный, обладающий даром предвидения» [15, с. 160]. Это определение расширяет понимание образа птицы, пророчества которой могут быть как светлыми, так и «темными».

Структура текста представляет собой исходную часть, 1–8 строки, где обнаруживается обыденное представление о птице, и основную, 9–12 строки, где обнаруживается понимание предмета описания А. А. Блоком. При этом 11 строка является «семантической заусеницей» (термин А. Н. Рудякова), которая подготавливает читателя к смене смысловых парадигм в пределах текста.

В исходной части А. А. Блок изображает факт увиденной им объективной действительности: сидящая на закате птица «*На глادях бесконечных вод*». Эта часть построена на противопоставлении: спокойствие природы, спокойствие водной стихии и стихии воздуха (Гамаюн прилетела не для того, чтобы поднять *смертоносную бурю*) и внутреннее смятение птицы – тревога, волнение, вызванные столкновением противоречивых чувств, которые не дают ей *крыл поднять*, хотя вокруг все находится в умиротворении. Причина «смятения» вполне понятна – впереди тяжелейшие потрясения, которые ожидают страну и ее народ. Прием умолчания, которым заканчивается исходная часть текста, не случаен: автор предлагает читателю самостоятельно закончить картину бед, ожидающих впереди.

Глагол *вещать* в исходной части текста, словосочетание *вещей правдою звучат* в основной части и единица *птица вещая* в названии стихотворения выступают в качестве стержневого элемента, в котором и должен обнаружиться семантический сдвиг.

В ходе анализа значения слова *Гамаюн* было выявлено – «её пророчества доступны избранным людям» [12, с. 73], «может предсказывать будущее тем, кто умеет слышать тайное» [14, с. 206]. Глагол *вещать* («устар. и высок. Говорить что-л. значительное, важное» и «предсказывать, пророчить» [15, с. 160]) определяет самого А. А. Блока как человека, «умеющего слышать тайное», как избранного, который понимает, слышит, внимает птице.

В этом контексте Гамаюн – пророк, которому ведомы надвигающиеся «стихии», не только природные, но и «стихии» народные. Слово *иго* («угнетающая, поработавшая сила», «устар. бремя, тяжесть» [15, с. 627]) и словосочетание *злых татар* определяют врага, бремя «иноземного», «не своего», «внешнего врага», это приводит к пониманию, что России предстоит столкновение с внешним врагом, противостояние ему и в конце концов победа над ним, как уже происходило в истории Руси; кроме того, стране предстоит *казней ряд кровавых*.

Второе четверостишие построено на градации: внешний враг страны – враг внутри страны – природный враг (стихия) и «внутренний враг» – человеческий, нравственный. В этом случае единицу *казней ряд кровавых* можно интерпретировать как борьбу внутри страны, борьбу за власть. *И трус, и голод и пожар* – борьба с последствиями стихии, а также несправедливость, когда зло побеждает добро – *Злодеев силу, гибель правых*. А. А. Блоку открывается трагичное будущее России: на смену преодолённому несчастьем будет приходить новое, обрекающее народ вновь и вновь на страдания.

Определение слова *предвечный* – «что было, кто был до вѣка, до начала времени; безначальный, довременный ... или довременная пора, время до мірозданія, до раздѣла и мѣрила времени» [16, с. 1006], синонимами которому могут выступать такие единицы, как *извечный, безначальный, существующий искони, не имеющий ни начала, ни конца, существующий вечно*, позволяет интерпретировать основную часть стихотворения как некую аксиому, определяющую положение о том, что страдания России и ее народа вечны, они являются своеобразным генетическим кодом русского народа и страны, и никто не в силах изменить этой судьбы.

Страдательный залог глагола *объят* свидетельствует о том, что Гамаюн находится во власти ужаса грядущих событий, которым не в силах противостоять. В этом причина *смятения крыл* – зная тяжелую судьбу народа и страны, Гамаюн не в силах ничего изменить, она лишь посредник между Богом и людьми. Вопреки любви, которой птица проникнута, – *Прекрасный лик горит любовью* – она бессильна. Единственное, что в ее силах – это вещать, предупреждать, ознаменовывать грядущие события. Запекшаяся кровь на ее устах – результат борьбы: пожалеть и скрыть правду или рассказать и обречь на страдания. Тяжелый выбор определен «семантической заусеницей», союзом *но*, который противопоставляет любви чувство долга: *вещей правдою звучат Уста, запекшиеся кровью!*..

Соотнесенность языковых единиц в сплетении текста *любовь – кровь* приводит к семантическому сдвигу: любовь – это страдание. В образе птицы как М. В. Васнецову, так и А. А. Блоку удалось передать боль и страдания птицы за свой народ и судьбу его страны, потому что только любовь способна сострадать.

В пределах текста стихотворения становится понятным, что А. А. Блок «избранный», поэтому он способен внимать пророчеству птицы. Теперь автор становится посредником между птицей и народом, ему открылось таинство грядущего, поэтому посредством творчества (пения) должен «вещать», чтобы предостеречь от «кровавой судьбы». А. А. Блок искренне переживает за свою страну, народ, зная предрешенность их судьбы, страдает вместе с ними и за них. Следовательно, в сплетении текста слово Гамаюн определяется новым значением «пророк» и соотносится с А. А. Блоком, уста которого *запекшиеся кровью*.

В основе текста стихотворения лежит конфликт обыденного восприятия судьбы России – надежда на ее светлое будущее, уверенность в ее силе и благополучии, и «должное» индивидуально-авторское – судьба России – это извечные страдания, где, кроме внешнего врага и «шалостей природы», самая страшная, разрушающая Россию сила – это *злодеев сила, гибель правых*.

Таким образом, при функциональном подходе к пониманию текста стихотворения А. А. Блока «Гамаюн, птица вещая» было учтено единство формы и содержания, определены предпосылки создания текста, а также обнаружено «противоречие» между обыденным и индивидуально-авторским представлением явления действительности, которое является текстопорождающей силой любого текста. Семантический сдвиг, выявленный в стержневом элементе, обнаружил ав-

торское отношение к судьбе России и ее народа. Это позволило наиболее адекватно интерпретировать текст художественного произведения и выявить регулятивную функцию текста – наведение порядка в картине мира читателя путем расширения понимания судьбы России, а также роли поэта-пророка в жизни народа.

Список источников

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Рудяков А. Н. Функция и язык: к регулятивной парадигме в лингвистике. М.: Издательский дом ЯСК, 2023. 216 с.
5. Казарин Ю. В. Архетипическая природа текста (архетекстуальная парадигма) // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 108–119.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
7. Залевская А. А. Текст и его понимание: Монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 177 с.
8. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
9. Дорофеев Ю. В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 5. С. 48–61.
10. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1960. Т.1: Стихотворения. 1897–1904. 715 с.
11. Персонажи славянской мифологии: (рисованный словарь) / Сост. А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. Киев: Фирма «Корсар», 1993. 218 с.
12. Шуклин В. В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Урал. изд-во, 2001. 378 с.
13. Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 318 с.
14. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей. М.: АСТ; Русские словари, 2001. 624 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А. П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1985. Т. 1: А–Й. 696 с.
16. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: [в 4 т.]. С.-Петербург; Москва: издание Т-ва М. О. Вольф, 1912–1914. Т. 3. 1789 с.

References

1. Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and Method: Fundamen-

tals of Philosophical Hermeneutics]. 704 p. Moscow, Progress. (In Russian)

2. Brudnyi, A. A. (2005). *Pskhologicheskaya germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. 336 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

3. Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 144 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

4. Rudyakov, A. N. (2023). *Funktsiya i yazyk: k regul'yativnoi paradigme v lingvistike* [Function and Language: Towards a Regulatory Paradigm in Linguistics]. 216 p. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK. (In Russian)

5. Kazarin, Yu. V. (2016). *Arhetipicheskaya priroda teksta (arhetekstual'naya paradigma)* [The Archetypal Nature of the Text (Archetextual Paradigm)]. Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke. Pp. 108–119. Moscow; Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)

6. Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 445 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

7. Zalevskaya, A. A. (2001). *Tekst i ego ponimanie: Monografiya* [The Text and Its Comprehension: A Monograph]. 177 p. Tver', Tverskoigосudarstvennyi universitet. (In Russian)

8. Krasnykh, V. V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [Virtual Reality or Real Virtuality? (Man. Conscience. Communication)]. 352 p. Moscow, Dialog-MGU. (In Russian)

9. Dorofeev, Yu. V. (2020). *Transformatsiya semantiki yazykovykh edinit v tekste: funktsional'nyi podkhod* [Transformation of the Semantics of Linguistic Units in the Text: A Functional Approach]. Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. T. 162, kn. 5, pp. 48–61. (In Russian)

10. Blok, A. A. (1960). *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: In 8 Volumes]. T.1: Stihotvoreniya. 1897–1904. 715 p. Moscow, Leningrad, Goslitizdat. (In Russian)

11. *Personazhi slavyanskoi mifologii: (risovannyi slovar')* (1993) [Characters of Slavic Mythology: (A Hand-Drawn Dictionary)]. Sost. A. A. Kononenko, S. A. Kononenko. 218 p. Kiev, Firma Korsar. (In Russian)

12. Shuklin, V. V. (2001). *Russkii mifologicheskii slovar'* [Russian Mythological Dictionary]. 378 p. Ekaterinburg, Ural. izd-vo. (In Russian)

13. Belova, O. V. (2001). *Slavyanskii bestiarii: Slovar' nazvanii i simboliki* [Slavic Bestiary: Dictionary of Names and Symbols]. 318 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

14. Shaparova, N. S. (2001). *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoi mifologii: okolo 1000 statei* [A Short Encyclopedia of Slavic Mythology: About 1000 Articles]. 642 p. Moscow, AST; Russkie slovari. (In Russian)

15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* (1985). [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz.; gl. red. A. P. Evgen'eva. T. 1: A–J. 696 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)

16. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'a: v 4 t.* (1912–1914) [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladi-

mir Dahl: In 4 Volumes]. T. 3. 1789 p. St. Petersburg; Moscow, izdanie T-va M. O. Vol'f. (In Russian)

The article was submitted on 31.10.2025

Поступила в редакцию 31.10.2025

Зубенко Наталья Викторовна,
аспирант,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
295000, Россия, Симферополь,
Ленина, 11;
преподаватель,
Севастопольский государственный
университет,
299053, Россия, Севастополь,
Университетская, 33.
zubenko.natalia.1985@mail.ru

Zubenko Natalya Viktorovna,
graduate student,
Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky,
11 Lenin Str.,
Simferopol, 295000, Russian Federation;
Assistant Professor,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya Str.,
Sevastopol, 299053, Russian Federation.
zubenko.natalia.1985@mail.ru